Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Miscellanea | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.710

The Image of the Future in the Official and Scientific-Expert Discourses of the Caspian Region Countries

Anna P. Romanova (a), & Maria M. Fedorova (b)

(a) Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia.
Email: aromanova_mail[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8537-4893

(b) Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; State Academic University for Humanities. Moscow, Russia. Email: mf57[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-1181-5219

Received: 31 July 2025 | Revised: 25 October 2025 | Accepted: 10 November 2025

Abstract

The modern Caspian region represents a unique intersection of global, national, and civilizational trajectories, where the formation of ideas about the future becomes not only a strategic but also a cultural and identification process. The problem raised in this study is the lack of a systematic analysis of how images of the future, reflecting value-based, technological, and integration orientations, are constructed in the national research discourses of the Caspian states (Russia, Kazakhstan, Azerbaijan, Turkmenistan, and Iran). Despite the existence of a significant number of works on the geopolitics and economics of the region, the phenomenon of the "image of the future" as a tool of societal and cultural self-identification remains fragmentary. As part of this study, the authors conducted a comprehensive comparative analysis of official and scientific-expert discourses about the future in the countries of the Caspian region in order to identify their structural models and assess their role in the formation of strategic guidelines, political and cultural identity, and regional interaction among the states of the macroregion.

This article identifies three interrelated models that allow for a comprehensive analysis of discourse on the future in the countries of the Caspian macroregion: a technological model, focused on innovation and modernization; a civilizational-identity model, emphasizing cultural and spiritual self-preservation; and an integration model, aimed at strengthening regional and intercivilizational ties. Their interrelationship creates a special type of "conservative-modernization future," in which development is viewed through the prism of value continuity and strategic autonomy. The study's findings emphasize that analyzing discourses on the future allows us to understand the mechanisms of reproducing power, identity, and strategic thinking in the region. The article is intended for researchers in the fields of political science, sociology, cultural studies, and international relations, as well as for specialists dealing with issues of regional forecasting and strategic planning.

Keywords

Image of the Future; Models; Caspian Region; Russia; Kazakhstan; Turkmenistan; Iran; Azerbaijan; Modernization; Integration

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Разное | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.710

Образ будущего в официальных и научно-экспертных дискурсах стран Каспийского региона

Романова Анна Петровна (a), Федорова Мария Михайловна (b)

(a) Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия. Email: aromanova_mail[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8537-4893

(b) Институт философии РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук. Москва, Россия. Email: mf57[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-1181-5219

Рукопись получена: 31 июля 2025 | Пересмотрена: 25 октября 2025 | Принята: 10 ноября 2025

Аннотация

Современный Каспийский регион представляет собой уникальное пространство пересечения глобальных, национальных и цивилизационных траекторий, где формирование представлений о будущем становится не только стратегическим, но и культурно-идентификационным процессом. Проблема, поднимаемая в данном исследовании, заключается в отсутствии системного анализа того, каким образом в национальных исследовательских дискурсах прикаспийских государств (России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана) конструируются образы будущего, отражающие их ценностные, технологические и интеграционные ориентиры. Несмотря на наличие значительного числа работ по геополитике и экономике региона, феномен «образа будущего» как инструмента социетальной и культурной самоидентификации до сих пор изучен фрагментарно. В рамках данного исследования авторами был проведен проведен комплексный сравнительный анализ официальных и научно-экспертных дискурсов о будущем в странах Каспийского региона с целью выявления их структурных моделей и оценки их роли в формировании стратегических ориентиров, политико-культурной идентичности и регионального взаимодействия государств макрорегиона. В статье выделены три взаимосвязанные модели, позволяющие комплексно анализировать дискурс о будущем в странах прикаспийского макрорегиона: технологическая, ориентированная на инновации и модернизацию; цивилизационно-идентификационная, акцентирующая культурное и духовное самосохранение; и интеграционная, направленная на укрепление региональных и межцивилизационных связей. Их соотношение формирует особый тип «консервативно-модернизационного будущего», где развитие рассматривается через призму ценностной преемственности и стратегической автономии. Выводы исследования подчеркивают подчеркивают, что анализ дискурсов о будущем позволяет понять механизмы воспроизводства власти, идентичности и стратегического мышления в регионе. Статья рассчитана на исследователей в области политологии, социологии, культурологии и международных отношений, а также на специалистов, занимающихся вопросами регионального прогнозирования и стратегического планирования.

Ключевые слова

образ будущего; модели; Каспийский регион; Россия; Казахстан; Туркменистан; Иран; Азербайджан; модернизация; интеграция

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

В начале XXI века Каспийский регион стал одним из ключевых пространств пересечения глобальных, национальных и цивилизационных векторов развития. В условиях энергетического перехода, усиливающейся геополитической конкуренции и культурной переидентификации государств постсоветского пространства формируются новые концепты будущего, задающие рамки стратегического мышления. Прикаспийские государства — Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран — демонстрируют не только экономическую и политическую взаимозависимость, но и схожие механизмы дискурсивного производства представлений о будущем.

Данная тема приобретает значимость по нескольким причинам. Во-первых, это смена парадигмы стратегического планирования в регионе. Если в 1990-е и 2000-е годы преобладала риторика «ресурсной модернизации» и укрепления национальных экономик, то в 2020-е акцент сместился на «устойчивое развитие», «зелёный переход» и «цифровую интеграцию». Например, Казахстан в «Стратегии-2050» связывает будущее страны с инновационной экономикой и устойчивыми транспортными коридорами[1]; Азербайджан формирует образ «энергетического моста между Востоком и Западом»[2]; Россия в концепции внешней политики 2023 года обозначает Каспий как «зону устойчивого взаимодействия» и «ключ к евразийской стабильности»[3].

Во-вторых, усиливается влияние дискурсивных практик на формирование стратегий развития. Образ будущего перестал быть исключительно предметом государственной риторики и становится исследовательской категорией — объектом анализа в рамках философии, политологии, социологии, культурологии и региональных исследований (Великая (ред.), 2023; Иванова и др., 2024).

В-третьих, актуальность обусловлена дефицитом междисциплинарного подхода. Несмотря на наличие большого числа публикаций по геополитике, энергетике и экологии Каспия, комплексные исследования, анализирующие именно национальные исследовательские дискурсы о будущем, практически отсутствуют. Это создаёт научный вакуум между политическим прогнозированием и культурно-идентификационным анализом.

Основная проблема заключается в отсутствии системного осмысления того, как страны Каспийского региона конструируют свои образы будущего в рамках собственных исследовательских и экспертных полей. На уровне государственной риторики присутствуют устойчивые идеологемы — «регион сотрудничества», «энергетический хаб», «экологическая ответственность». Однако в национальных исследовательских дискурсах эти представления обретают различные смысловые модификации. Это формирует необходимость

1 AIF 2023. https://astanainternationalforum.org/en/archive2023?t=program_2023
2 Center of Analysis of International Relations. https://aircenter.az/en
3 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

проведения сравнительного анализа исследовательских нарративов о будущем в пяти странах региона, выявления их ключевых тем, структурных различий и совпадений. Такой анализ позволит определить, какая из моделей будущего доминирует в том или ином государстве:

- технологическая (ориентированная на инновации и инфраструктуру);
- цивилизационно-идентификационная (ориентированная на культурную самобытность);
- интеграционная (ориентированная на кооперацию в рамках региона и Евразийского пространства).

Таким образом, в рамках этого исследования авторами был проведен проведён комплексный сравнительный анализ исследовательских дискурсов о будущем в странах Каспийского региона с целью выявления их структурных моделей и оценки их роли в формировании стратегических ориентиров, политико-культурной идентичности и регионального взаимодействия государств макрорегиона.

Методология исследования

Методология опирается на дискурсивный анализ (Foucault, 1972; Алиева, 2024) в сочетании с элементами качественного контент-анализа. Исследование предполагает выборку текстов из официальных стратегий (например, “Kazakhstan-2050”, “Vision 2040 Azerbaijan”, “Iran Vision 2025”), академических журналов (“Central Asia and the Caucasus”, “Iranian Journal of Regional Studies”, «Вестник Каспийского научного центра»), а также аналитических платформ (Caspian Policy Center, East-West Institute, Eurasian Development Institute). Для межстранового сравнения используется методологический подход сравнительных региональных исследований (comparative area studies), позволяющий сопоставить дискурсивные структуры по ключевым тематическим кластерам: энергетика, экология, культура, идентичность, интеграция. Также в данном исследовании применяется концепция «дискурсивного конструирования будущего» (discursive futures construction) из социологии знания (Miller, 2018), согласно которой будущее рассматривается не как предзаданная категория, а как продукт коллективных когнитивных практик.

Эмпирическую базу составляют — национальные стратегии и концепции развития, исследования ведущих университетов и аналитических центров, публикации региональных журналов и сборников конференций, отражающие эволюцию дискурса будущего с 2000-х по 2025 год. Материалы были подвергнуты качественному анализу по смысловым категориям (ценности, цели, угрозы, идеалы, перспективы), что позволило выделить и типологизировать национальные модели будущего.

Типологические модели будущего: кейс Каспийского региона

Аналитическая типология образов будущего позволяет разложить сложный конструкт «будущее» на эмпирически различимые модели, раскрывающие ведущие силы, ценностные ориентиры и институциональные практики, формирующие представления населения и элит. Для Каспийского региона, где переплетаются энергоресурсная геополитика, постсоветская трансформация, мусульманская культурная традиция (в Иране и частично в Туркменистане и Азербайджане), сильные государственные стратегии развития и гео-правовой институционализм (Абдуллаев, 2021), логичным представляется выделить три основные модели формирования будущего — технологическую, цивилизационно-идентификационную и интеграционную, которые позволят сравнить доминирующие нарративы и государственные программы в пяти прикаспийских странах.

Выбор данных моделей для анализа образов будущего стран Каспийского региона обусловлен не произвольным теоретическим предпочтением, а необходимостью комплексного анализа многомерной структуры национальных представлений о будущем. Эти модели позволяют рассматривать будущее не как линейную проекцию модернизационных программ, а как сложную систему смыслов, где экономико-технологические, культурно-ценностные и внешнеполитические измерения взаимно детерминируют друг друга. В современной теории социальных и политических прогнозов (Inayatullah, 2008; Wendt, 2015; Таджиходжаев, 2021) утверждается, что любые коллективные представления о будущем формируются на пересечении трёх ключевых осей — развития, идентичности и взаимодействия. Именно они задают структуру образа будущего: ось технологического прогресса определяет темпы и формы трансформации материальных оснований общества; ось идентичности обеспечивает символическую непрерывность и легитимность этих изменений; ось интеграции задаёт контекст внешних связей, в рамках которого формируется пространство возможного.

Каспийский регион является своеобразной «лабораторией» для подобного анализа, поскольку представляет собой не просто географическое пространство, но и зону пересечения различных цивилизационных, экономических и политических миров — постсоветского, исламского, тюркского и западно-глобалистского. В этих условиях национальные стратегии будущего неизбежно строятся на трёх взаимосвязанных основаниях: технологическом (как инструмент выживания и конкурентоспособности), идентификационном (как механизм символического самоопределения) и интеграционном (как способ выстраивания отношений с внешним миром при сохранении автономии). Таким образом, выбор указанных моделей отражает внутреннюю логику самого региона: именно здесь в концентрированной форме проявляется напряжение между стремлением к модернизации, потребностью

в сохранении культурной преемственности и необходимостью участия в региональных и глобальных процессах.

Технологическая модель представляет собой универсальную ось современного государственного планирования, отражающую веру в возможность достижения устойчивого будущего посредством науки, инноваций и цифровизации. Для всех пяти стран Каспийского бассейна — России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана — характерно стремление к конструированию образа будущего через идею технологического суверенитета и «экономики знаний». Государственные стратегии («Наука и будущее России», 2024; “Digital Kazakhstan”, 2017; “Iran Vision 2025”; «Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана до 2030 года») формируют представление о будущем как о рационально управляемом процессе модернизации. Однако технологический дискурс не является нейтральным: он всегда вписан в политико-культурные контексты, где «инновации» нередко служат инструментом укрепления власти и легитимации существующего порядка.

Цивилизационно-идентификационная модель отражает другую сторону региональной динамики — стремление соединить модернизацию с сохранением культурной самобытности. В странах Каспийского региона будущее конструируется не как отказ от традиции, а как её продолжение в новых формах. В случае с Ираном — это проявляется в идее исламской цивилизации как источника собственного пути развития; в Казахстане — в концепции «Мәңгілік Ел»; в Туркменистане — в доктрине «вечного нейтралитета»; в Азербайджане — в идее синтеза тюркского и светского начал; в России — в концепте «суверенной цивилизации». Таким образом, идентификационная ось образа будущего служит не столько инструментом поиска новых смыслов, сколько механизмом ограничения допустимых трансформаций: модернизация возможна лишь в тех пределах, которые не нарушают ценностную преемственность.

Интеграционная модель фиксирует тот факт, что будущее стран Каспийского региона невозможно мыслить вне логики взаимозависимости. Региональные акторы вынуждены соотносить свои сценарии с системами экономических и политических связей, формируемых в рамках ЕАЭС, ШОС, ОЭС, БРИКС и других форматов. Однако интеграция здесь носит избирательный и прагматичный характер: страны стремятся участвовать в международных проектах (энергетических, транспортных, инфраструктурных), не утрачивая контроля над внутренним развитием. В результате возникает особый тип интеграционного будущего — «вовлечённого нейтралитета», где участие в региональных сетях не означает готовности к политическому сближению. Эта модель позволяет увидеть, что для государств Каспия интеграция — инструмент обеспечения устойчивости и самосохранения в условиях глобальной турбулентности.

Таким образом, совокупность трёх моделей образует системную рамку анализа, способную охватить все основные уровни конструирования будущего — от технологического и экономического до культурно-символического и геополитического. Их выбор не только теоретически оправдан, но и эмпирически обоснован: именно эти направления последовательно фиксируются в государственных стратегиях, официальных доктринах и национальных программах всех стран Каспийского региона. В технологическом измерении страны стремятся к автономному развитию и цифровой модернизации; в идентификационном — к укреплению историко-культурных оснований суверенитета; в интеграционном — к выстраиванию гибкой системы региональных связей, минимизирующей внешние риски.

Эта триада позволяет не просто описывать образы будущего, но и анализировать механизмы их легитимации и воспроизводства. Она демонстрирует, что для государств Каспия будущее — не только цель, но и средство поддержания социально-политического равновесия. В совокупности эти модели формируют особый тип регионального будущего — консервативно-модернизационный, где развитие и сохранение, открытость и замкнутость, автономия и взаимозависимость не исключают, а взаимно дополняют друг друга.

Российская Федерация

Формирование образа будущего России в исследовательских и экспертных дискурсах последних лет определяется столкновением трёх ключевых моделей: технологической, цивилизационно-идентификационной и интеграционной. Эти модели не существуют изолированно — они взаимно переплетены и отражают разные уровни стратегического планирования страны: от прагматической мобилизации ресурсов до символического самоопределения в мировом контексте.

Технологическая модель образа будущего России основывается на идее инновационного суверенитета и ускоренного технологического рывка как главного условия национальной конкурентоспособности. Эта логика формируется в документах стратегического планирования («Стратегия научно-технологического развития РФ до 2035 г.», «Цифровая экономика», «Национальный проект “Наука и университеты”»), а также в дискурсе научно-технологических центров — прежде всего ВШЭ, Сколтеха и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Исследования показывают, что технологический нарратив выполняет двойную функцию: он одновременно служит инструментом экономической мобилизации и средством идеологического самоутверждения. По данным Института экономики РАН, именно технологический прогресс сегодня становится центральным элементом политического языка модернизации, подменяя прежние категории «реформ» и «инноваций» (Ахапкин (ред.), 2022).

В рамках этой модели Россия стремится представить себя как «технологическую цивилизацию», способную конкурировать не столько рынками, сколько идеями — в первую очередь в сферах ИИ, биотехнологий, оборонных систем, нейронауки и новых материалов. Однако при всей масштабности риторики наблюдается структурный разрыв между идеалом технологического суверенитета и фактическим дефицитом инфраструктуры, кадров и инвестиций. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (2023), доля России в глобальных НИОКР остаётся ниже 1,2 %, что ставит под сомнение возможность технологического лидерства без глубокой реформы научно-образовательного сектора[1].

Тем не менее технологическая модель имеет значительный мобилизационный потенциал. Она апеллирует к идее «будущего как проекта», объединяющего нацию вокруг задачи научно-технического прорыва и цифрового суверенитета. В этом смысле она служит инструментом «позитивного планирования», компенсирующего структурные кризисы экономики и демографии.

Параллельно технологическому нарративу формируется и усиливается цивилизационно-идентификационная модель, акцентирующая культурную, духовную и историческую уникальность России. Она выстраивает будущее не как движение к «универсальной модерности», а как укрепление самобытного цивилизационного кода — православия, коллективизма, социальной солидарности и «особой исторической миссии».

Эта модель наиболее активно артикулируется в аналитических текстах, связанных с Российским институтом стратегических исследований (РИСИ) (Энтин, 2021), Советом по межнациональным отношениям[2], а также в концепции «Русского мира» (Кривопусков, 2016). В дискурсивном плане она противопоставляет Россию Западу не только как геополитическому противнику, но и как альтернативному типу цивилизационного развития, основанному на традиционных ценностях и устойчивых социальных формах. Исследования ИМЭМО РАН показывают, что эта модель не сводится к культурному изоляционизму. Напротив, она предлагает видение будущего как цивилизационного самоутверждения, где Россия играет роль «центра притяжения» для других стран постсоветского и евразийского пространства. В этом смысле образ будущего строится вокруг понятий «сохранения», «преемственности» и «духовной устойчивости», а не инноваций ради инноваций (Мачавариани & Кобринская (ред.), 2022; Dynkin et al., 2023).

Символический капитал этой модели особенно проявляется в контексте идеологической переориентации общества: в образовательных стандартах, культурной политике и медиа-дискурсе акцент всё чаще смещается на темы семьи, религии, социальной справедливости и патриотизма. Например, иссле-

1 Рост затрат на науку в России: итоги 2023 года (2024, сентябрь 17). *ИСИЭЗ* https://issek.hse.ru/news/963240693.html

2 Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям. https://sovetnational.ru/sovet/

дования ВЦИОМ (2024) фиксируют рост значимости ценностей «традиции» и «служения» в молодежных представлениях о будущем[1].

Тем не менее эта модель сталкивается с риском консервативной замкнутости, при которой ориентация на идентичность начинает подменять проектное мышление. Будущее в этом случае рискует восприниматься не как горизонт созидания, а как восстановление утраченного порядка.

Третья — интеграционная модель — связывает образ будущего России с ролью системного координатора в макрорегиональных и глобальных процессах. Она базируется на идее евразийского вектора, рассматривающего Россию не как изолированный центр, а как узловой элемент многоуровневых союзов и интеграционных платформ — от ЕАЭС и БРИКС до стратегического партнёрства с Китаем и Ираном (Серегина, 2025). Некоторые исследователи полагают, что интеграционная модель предполагает новую архитектуру международного взаимодействия, где Россия выступает посредником между различными цивилизационными ареалами — мусульманским, китайским, западно-европейским и постсоветским. Это придаёт её образу будущего характер «моста цивилизаций», а не только «форпоста противостояния» (Огнева, 2024; Ван Цунюэ, 2025).

Эта модель имеет важное значение для внутренней легитимации: она позволяет включать в стратегический горизонт идею созидаемого будущего, в котором Россия не просто защищается, а созидает альтернативные форматы мирового устройства. В официальных документах (Концепция внешней политики РФ, 2023) эта логика выражена в категории «многоцентричного мира», где Россия видится центром одного из мировых полюсов[2].

Однако ключевая проблема интеграционной модели заключается в её зависимости от внешних факторов — динамики международных санкций, роли Китая, а также способности России конвертировать политическое влияние в экономические и гуманитарные формы сотрудничества. Пока этот баланс остаётся неустойчивым: усиливая геополитическую интеграцию, Россия сталкивается с ограничениями своей внутренней модернизации.

Анализ показывает, что три модели — технологическая, цивилизационно-идентификационная и интеграционная — образуют динамическую триаду современного российского видения будущего. Их соотношение меняется в зависимости от политического контекста и международной конъюнктуры. В кризисные периоды (например, после 2022 г.) усиливается идентификационная модель, апеллирующая к ценностям традиции и национальной сплочённости. В фазах стратегического планирования (нацпроекты, научные программы) на первый план выходит технологическая модель, конструирующая будущее через язык прогресса и инноваций. В дипломатической и

1 Образ будущего: оценки россиян (2024, февраль 29). ВЦИОМ. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan

2 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

геоэкономической риторике доминирует интеграционная модель, легитимирующая внешнеполитический курс на Восток и глобальную альтернативность. Несмотря на различия, все три модели объединяет представление о необходимости суверенного будущего, свободного от внешней зависимости и основанного на внутренних ресурсах и смыслах.

Можно сказать, что современный российский образ будущего представляет собой синтез трёх моделей. Технологическая модель обеспечивает инструментарий модернизации и символику прогресса; цивилизационно-идентификационная — культурное и моральное наполнение; интеграционная — международное измерение и стратегическую масштабность. Однако внутренние противоречия между ними остаются значительными. Россия пока не выработала единую парадигму будущего, способную соединить технологический модернизационный импульс с глубинной цивилизационной самоидентификацией и устойчивой системой внешних связей. В этом смысле национальный дискурс о будущем — это не зафиксированная концепция, а поле напряжённой конкуренции смыслов: между прагматизмом и идеологией, модернизацией и традицией, локальным и глобальным. Именно в этой многослойности и противоречивости проявляется, на наш взгляд, специфика российского пути — страны, стремящейся одновременно создать будущее и сохранить прошлое, быть технологическим игроком и цивилизационным центром, интегрироваться и оставаться автономной.

Исламская Республика Иран

Вопрос о будущем Ирана занимает особое место в современном научном дискурсе, поскольку пересечение факторов модернизации, религиозной и национальной идентичностей, а также международной изоляции создаёт уникальное поле для анализа коллективных представлений о будущем. Современные иранские исследователи (Sariolghalam, 2018; Nikooye et. al., 2021; Mohammadian & Haji-Yousefi, 2022) подчёркивают, что «образ будущего» в Иране структурируется не только через экономические ожидания, но и через идеологические, моральные и геополитические нарративы.

Технологическая модель является доминирующей в иранских государственных стратегиях будущего. Согласно “Iran Vision 2025”[1] и более поздней “National Development Plan (2021–2026)”[2], страна стремится стать «региональным технологическим лидером» через развитие нанотехнологий, биоинженерии, информационно-коммуникационных систем, ядерной энергетики и космических исследований[3]. Эта модель выстраивает нарратив будущего вокруг идеи технологического суверенитета — способности Ирана

1 Iran Vision 2025. https://www.mcls.gov.ir/en/irv
2 Iran’s Seventh National Development Plan: Limitations and Challenges (2023, June 22). Rasanah. https://rasanah-iiis.org/english/monitoring-and-translation/reports/irans-seventh-national-development-plan-limitations-and-challenges/
3 Ministry of Science, Research and Technology. https://www.msrt.ir/en

опираться на собственные ресурсы и научные кадры в условиях санкций и внешнего давления. Различные иранские исследователи сходятся во мнении, что образ будущего в Иране тесно связан с понятием «национальной устойчивости» — это не просто инновации ради прогресса, а инструмент поддержания независимости и символ политического достоинства (Taheri Demneh, 2019; Kousari & Hadavand, 2023; Panahi & Ghasemi, 2024).

С одной стороны, развитие науки и технологий в Иране воспринимается как механизм включения в мировой рынок знаний, а с другой — как оборонительная стратегия против технологического доминирования Запада. Такая двойственность придаёт особое значение сектору военных технологий, космическим программам и кибербезопасности. Согласно данным Иранского космического агентства, запуск спутников “Noor-3” и “Pars-1” интерпретируется в иранских СМИ как проявление будущего, где страна способна конкурировать с крупными державами без внешней поддержки[1].

Однако исследователи из Университета Шарифа указывают на существенную проблему: большинство высокотехнологичных проектов сосредоточено в Тегеране и Исфахане, тогда как периферийные регионы остаются вне инновационной экосистемы. Возникает феномен «инновационного неравенства», что может препятствовать формированию единого образа будущего, объединяющего все социальные группы (Yazdi et. al., 2024).

Вторая модель — цивилизационно-идентификационная — интерпретирует будущее Ирана как продолжение его историко-культурной миссии. В иранских научных исследованиях, начиная с трудов Али Шариати (Shariati, 1980) и до современных философов, таких как А.К. Соруш[2], будущее страны не мыслится без обращения к культурной памяти и религиозной идентичности.

Ключевое понятие — «новая исламская цивилизация», одна из идеологических концепций современной Исламской Республики Иран, выдвинутых Верховным лидером Сейедом Али Хаменеи вместе с идеей «исламского цивилизационного строительства». Данная доктрина отражает новый уровень задач иранского руководства и является заявкой на интеллектуальное лидерство Ирана в исламском мире. Руководство Ирана видит в этой доктрине концептуальные основы для макростратегии развития страны на многие десятилетия вперёд. Она описывает будущее как «восстановление исламского стиля жизни на новой технологической основе», где религия и наука не противопоставлены, а синтезированы. Иранские социологи утверждают, что этот концепт интегрирует национальные и исламские элементы идентичности, превращая их в основу «цивилизационного проекта будущего» (Alizadh & Ghaffari, 2024).

Однако внутри иранского общества присутствует напряжение между традиционалистским и модернистским пониманием будущего. Согласно

1 Iranian Space Agency. https://www.isa.ir/
2 Soroush A.K. What is Islamic Philosophy? http://drsoroush.com/en/what-is-islamic-philosophy/

опросу Института социологических исследований Университета Тегерана, около 48 % молодых респондентов считают, что «Иран должен идти путём культурного обновления с сохранением духовных ценностей», тогда как 32 % выступают за «светский, прагматичный путь модернизации». Это указывает на раскол внутри ценностного поля будущего (Kalateh Sadati & Razavi, 2024). По мнению группы исследователей под руководством Ш.Н. Абдулмахди, «цивилизационный образ будущего» в Иране выполняет функцию идеологического цемента, соединяя коллективную память, религиозную идентичность и политическую стратегию выживания. Однако чрезмерная сакрализация этого образа способна затормозить общественную открытость и блокировать инновационные импульсы, если они не вписываются в традиционные рамки (Abdulmahdi et.al., 2023). Тем не менее эта модель выстраивает альтернативу западноцентричным нарративам прогресса, предлагая особую цивилизационную траекторию, основанную на идеях духовного совершенствования, социальной справедливости и культурной идентичности.

Третья модель — интеграционная — рассматривает будущее Ирана через призму его взаимодействия с внешним миром, региональных союзов и новых международных конфигураций. Если технологическая модель акцентирует внимание на автономии, а цивилизационная — внутреннюю идентичность, то интеграционная сосредоточена на взаимозависимости и стратегической взаимодополняемости.

Современные иранские исследования фиксируют рост интереса к концепции «восточного многополярного будущего» (Sayadi & Sanaei, 2019; Sazmand & Goudarzi, 2022). В этом контексте образ будущего страны связан с укреплением связей в рамках ШОС, БРИКС и Евразийского экономического союза. Вступление Ирана в ШОС (2022) и БРИКС (2024) интерпретируется как переход к постсанкционной модели интеграции, где геоэкономические и культурные альянсы заменяют утраченные связи с Западом.

По мнению иранского аналитика М. Маранди, именно формирование сети стратегических партнёрств позволяет Ирану «сохранить субъектность в глобальном переходе от однополярности к многополярности»[1]. Это отражено в правительственном документе “Iran’s Regional Integration Strategy 2030”, где особое внимание уделяется не только торговле и энергетике, но и культурной дипломатии, академическим обменам, развитию транзитных коридоров[2].

1 How to Build Strategic Partnerships in Iran’s Business Landscape (2025, July 30). Ahmad Mirabi. https://drmirabi.ir/en/iran-business-partnership-strategy/#:~:text=In%20Iran%2C%20strategic%20partnerships%20are%20not%20just,relational%20trust%2C%20cultural%20compatibility%2C%20and%20long%2Dterm%20engagement

2 Iran 2030 – Analyzing Possible Futures: Between Roots and Dreams. Sekeh News. https://sekeh.news/%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%DB%B2%DB%B0%DB%B3%DB%B0-%D8%AA%D8%AD%D9%84%DB%8C%D9%84%DB%8C-%D8%A7%D8%B2-%DB%8C%DA%A9-%D8%A2%DB%8C%D9%86%D8%AF%D9%87-%D9%85%D9%85%DA%A9%D9%86-%D9%85%DB%8C/

Интеграционная модель опирается на прагматизм: будущее здесь мыслится как совместное бытие, а не как изоляция. Однако она сталкивается с дилеммой между идеологическим суверенитетом и необходимостью гибкости. Иранские политологи отмечают, что интеграция возможна лишь при условии выработки «гибридной дипломатии», сочетающей исламскую идентичность с рациональным прагматизмом (Sarbazi, Abazari & Montazeri, 2023). В социальном плане интеграционная перспектива открывает новые горизонты для иранской молодежи и научного сообщества: это участие в международных программах, онлайн-платформах, транснациональных стартапах. Это помогает им рассматривать будущее не только через призму нации, но и через идею регионального сообщества.

Таким образом, интеграционная модель формирует образ будущего, где Иран — не изолированное государство, а мост между Азией, Европой и исламским миром, соединяющий традиции и инновации. Образ будущего Ирана представляет собой многослойный конструкт, в котором взаимодействуют стремление к технологической модернизации, сохранение цивилизационной идентичности и поиск интеграционного равновесия в многополярном мире. В отличие от западных моделей, иранское представление о будущем «остается нормативным и миссионерским: оно не только описывает желаемое состояние, но и оправдывает стратегический путь страны как культурно-моральную миссию» (Sarbazi, Abazari & Montazeri, 2023).

Республика Казахстан

Казахстан занимает особое место в каспийской системе — не только как крупнейшее по территории государство Центральной Азии, но и как инициатор долгосрочного стратегического проектирования будущего. Государственные концепции «Казахстан — 2050»[1] (2012), «Цифровой Казахстан»[2] (2017) и «Национальный проект устойчивого развития»[3] (2021) формируют многослойное представление о будущем, в котором технологическая, цивилизационно-идентификационная и интеграционная парадигмы переплетены между собой. Согласно А. Сатпаеву, в современном Казахстане «будущее мыслится как процесс управляемой модернизации при сохранении социокультурного ядра» (2021). Это отличает казахстанскую модель от моделей соседних стран — она опирается на идею модернизации без радикального разрыва с традицией.

1 Стратегия «Казахстан-2050». Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/strategiya-kazahstan-2050

2 Цифрлық Қазақстан. Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан. https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/activities/14764

3 Об утверждении национального проекта "Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев" (2021, октябрь 12). Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000730

Технологическая модель в Казахстане базируется на идее «инновационного государства», где развитие технологий служит инструментом повышения конкурентоспособности и устойчивости. Программа «Цифровой Казахстан» (2017–2025 гг.) направлена на формирование цифровой экономики, расширение электронных услуг и внедрение искусственного интеллекта в управленческие процессы[1]. Согласно данным Всемирного банка, цифровизация уже обеспечивает около 4,5 % ВВП страны, при этом ежегодный рост цифровых сервисов превышает 15 %[2]. Однако технологическое будущее Казахстана не ограничивается экономикой. Оно трактуется как элемент национального развития и социального баланса. Группа исследователей под руководством Ф.Г. Альжановой подчёркивает, что цифровая модернизация в Казахстане — это «механизм выравнивания региональных неравенств», способный снизить зависимость периферии от ресурсных центров (Альжанова, Нурланова & Днишев, 2020).

Особое внимание уделяется зеленым технологиям: Концепция перехода к «зелёной экономике» (2013) предполагает, что к 2050 году не менее 50 % энергии будет производиться из возобновляемых источников[3]. Казахстан активно сотрудничает с ПРООН и Всемирным банком в проектах по снижению углеродного следа. По данным ООН, страна входит в пятёрку лидеров СНГ по внедрению устойчивых энергетических технологий[4]. Таким образом, технологическая модель будущего Казахстана не редуцируется к инновациям, а представляет собой стратегию адаптации к глобальным вызовам — энергетическим, климатическим, демографическим.

Цивилизационно-идентификационная модель будущего Казахстана строится вокруг концепта «Мәңгілік Ел» («Вечная страна»), впервые представленного Н. Назарбаевым в 2014 году. Этот идеологический конструкт задаёт не просто историческую преемственность, но и нормативное направление развития: укрепление казахстанской гражданской идентичности, основанной на полиэтничности и культурном синтезе[5]. По мнению исследователя

1 Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». Официальный сайт Президента Республики Казахстан. https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii-

2 UNESCO Strengthens Futures Literacy and Foresight Capacities in Kazakhstan's Higher Education Sector (2025, May 15). UNESCO. https://www.unesco.org/en/articles/unesco-strengthens-futures-literacy-and-foresight-capacities-kazakhstans-higher-education-sector

3 О Концепции по переходу Республики Казахстан к "зеленой экономике" (2013, май 30). Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577

4 Развитие энергетического сектора Казахстана (2024, январь 5). Всемирный банк Казахстана. https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2024/01/05/empowering-the-future-of-kazakhstans-energy-sector

5 О проекте Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства» (2015, декабрь 18). Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001012

М.Ш. Кабазиева, «казахстанская идентичность проектируется как надэтническая конструкция, где казахская культура играет роль ядра, но не доминирующего фактора» (Кабазиев, 2022). Это отличает Казахстан от многих постсоветских стран, где этнический национализм стал реакцией на модернизацию. В казахстанском дискурсе модернизация, напротив, рассматривается как продолжение исторической памяти (Ключарева & Корусенко, 2023).

Научно-образовательные инициативы («Рухани жаңғыру», «100 новых лиц Казахстана», языковая реформа) направлены на символическую модернизацию — переосмысление традиций в контексте XXI века. Эти программы выполняют не только культурную, но и социальную функцию — они легитимируют модернизационные процессы, снижая риск ценностного конфликта между поколениями. Цивилизационно-идентификационная модель Казахстана отличается от иранской (где будущее мыслится через исламский цивилизационный опыт) и от российской (ориентированной на неоевразийство). В казахстанском случае наблюдается инклюзивная модель будущего, ориентированная на интеграцию разных этносов и культурных кодов в единую гражданскую общность.

Интеграционная модель будущего Казахстана проявляется в его внешнеполитической и экономической стратегии. С конца 2010-х годов Казахстан позиционирует себя как транзитно-интеграционный узел Евразии. Участие в проектах «Один пояс — один путь», Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и ШОС создает уникальную многоуровневую платформу взаимодействия с Россией, Китаем, Ираном и странами Запада (Таршилова, 2018; Искаков & Кегенбеков, 2021; Ли и др., 2024). Эксперты Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) отмечают, что интеграционная модель Казахстана не сводится к экономическому прагматизму, а выражает стремление к региональной субъектности: «Казахстан пытается быть не объектом, а архитектором региональных сценариев будущего»[1].

В то же время интеграционная модель сталкивается с рядом вызовов. Среди них — ограниченная институциональная глубина ЕАЭС (Пилипенко, 2022), зависимость от внешних центров силы (Москвы, Пекина) (Хунцзян, 2023), а также необходимость балансирования между геополитическими интересами (Мамедов, 2024). В докладе Международного института стратегических исследований (IISS) подчёркивается, что Казахстан «вынужден совмещать несовместимое: интеграцию в мировую экономику и сохранение стратегического суверенитета»[2]. Экологическое и климатическое измерение интеграции также выходит на первый план. Проблемы Каспийского моря — обмеление, загрязнение, трансграничное регулирование — становятся основой для новых форм

1 Устойчивое развитие регионов Казахстана обсудили в Шымкенте на площадке КИСИ (2025, октябрь 2025). КИСИ. https://kisi.kz/ru/ustojchivoe-razvitie-regionov-kazahstana-obsudili-v-shymkente-na-ploshhadke-kisi-gps/

2 Central Asia Emerging from the Shadow (2025, January). IISS. https://www.clingendael.org/sites/default/files/2025-01/central-asia-emerging-from-the-shadows.pdf

региональной кооперации. Казахстан участвует в Каспийской экологической программе и инициирует совместные проекты по восстановлению экосистем[1].

Несмотря на высокий уровень стратегического анализа, казахстанская модель будущего содержит внутренние противоречия. Во-первых, наблюдается рассогласование между дискурсом модернизации и реальной институциональной динамикой. По данным Transparency International, в 2024 году Казахстан занял 88-е место по индексу восприятия коррупции[2], что указывает на ограниченность управленческой модернизации. Во-вторых, региональные диспропорции сохраняются: урбанизированный Юго-Восток развивается значительно быстрее, чем аграрные регионы Запада и Севера. Это создаёт разрыв между «инновационными центрами» и «традиционными периферияими» (Аралбаева & Берикболова, 2025). В-третьих, существует социальный риск цифрового неравенства — неравный доступ к цифровым ресурсам усиливает стратификацию по уровню образования и дохода. Тем не менее казахстанская модель остаётся одной из наиболее сбалансированных в Каспийском регионе. В ней технологическая, цивилизационно-идентификационная и интеграционная составляющие не конкурируют, а формируют единую систему, где каждый элемент усиливает другой. В-четвёртых, на наш взгляд, наиболее значимым противоречием инклюзивной модели будущего Республики Казахстан является расхождение между нормативно-декларативным дискурсом и институциональной реализацией государственной политики.

На уровне официальной риторики Казахстан последовательно позиционирует свою модель нациестроительства как гражданскую и инклюзивную, основанную на принципах равенства этносов, межэтнической гармонии и надэтнической гражданской идентичности («казахстанская нация»). Эти установки закреплены в конституционных нормах, деятельности Ассамблеи народа Казахстана и программных документах в сфере межэтнических отношений. Однако в практическом измерении наблюдается структурный сдвиг в сторону этнонациональной модели, реализуемый через политику казахизации. Она выражается в приоритетизации казахского языка в публичной сфере, образовании и государственном управлении, символическом переосмыслении исторического нарратива, а также в кадровых и культурных практиках, усиливающих доминирование титульного этноса. Формально эти меры обосновываются задачами деколонизации и восстановления исторической справедливости, однако фактически они трансформируют баланс между гражданской и этнической компонентами нациестроительства (Черничкин, 2022; Казиев, Могунова & Старченко, 2024).

Ключевое противоречие заключается в том, что инклюзивная модель предполагает нейтральность государства по отношению к этничности,

1 Казахстанские экологи объединились для борьбы с экокризисом Каспийского моря (2024 декабрь 13). Качественный Казахстан. https://www.standard.kz/ru/post/2024_12_kazaxstanskie-ekologi-obieedinilis-dlia-borby-s-ekokrizisom-kaspiiskogo-moria-198

2 Corruption Perceptions Index. Transparency International. https://www.transparency.org/en/cpi/2024

тогда как политика казахизации институционализирует асимметричное положение этнокультурных групп. Это порождает латентную маргинализацию русскоязычного и иных нетитульных сообществ, снижает уровень символического участия в формировании общенациональной идентичности и усиливает разрыв между декларируемым гражданским равенством и реальными социально-политическими практиками (Колбачева, 2019; Семенец, 2024).

В результате казахстанская модель нациестроительства приобретает гибридный характер, сочетая элементы гражданского инклюзивизма с этнокультурной гегемонией титульной нации, что формирует внутреннее напряжение и ограничивает потенциал долгосрочной межэтнической консолидации.

Азербайджанская Республика

В постсоветский период Азербайджан сформировал уникальный тип стратегии будущего, где национальная идентичность, геополитическая прагматика и технологическая модернизация образуют синтетическую конструкцию. В отличие от России, где будущее часто артикулируется как «восстановление великодержавного статуса», или Казахстана, где акцент делается на модернизации общества через обновление институтов, азербайджанский дискурс сочетает идею национальной консолидации с проектом инновационно-инфраструктурного рывка.

Формирование образа будущего в Азербайджане во многом связано с последствиями затяжного конфликта в Нагорном Карабахе, укреплением вертикали власти и поиском новой легитимации развития через «образ сильного и современного государства». Таким образом, будущее становится не столько утопической категорией, сколько инструментом государственной мобилизации, задающим рамку для политических, экономических и культурных реформ.

Современный азербайджанский дискурс будущего тесно связан с нарративом национальной победы, суверенитета и консолидации. После 2020 года формируется идеологема «нового Азербайджана» — государства, способного не только отстоять территориальную целостность, но и выстроить устойчивую модель развития на основе технологической независимости и культурного единства (Ergun, 2022). Как отмечается в аналитической статье «Идеологический щит Азербайджана: Путь к национальной консолидации», идеологическая составляющая будущего сегодня приобретает институциональный характер: речь идёт о формировании «ценностного иммунитета», который должен обеспечить суверенитет страны в условиях глобальных трансформаций[1]. Таким образом, концепт будущего становится мобилизующим мифом, объединя-

1 Идеологический щит Азербайджана: Путь к национальной консолидации (2024, сентябрь 25). BakuNetwork. https://www.bakunetwork.org/ru/news/analytics/13077

ющим население вокруг целей единства и независимости, но при этом оставляющим пространство для технико-экономических инноваций.

В последние годы всё более заметным становится стремление Азербайджана перейти от модели «сырьевого государства» к экономике знаний. Исследование “Azerbaijan 2030: A Vision of the Future” прямо указывает на необходимость «научного пробуждения», без которого «страна рискует навсегда остаться зависимой от нефтяных доходов»[1]. Технологическая модель будущего в азербайджанском контексте реализуется через несколько ключевых направлений:

- развитие инновационных зон и технопарков, включая Alat Free Economic Zone, ориентированную на привлечение инвестиций в высокие технологии[2];
- стимулирование цифровой трансформации государственного сектора, о чём свидетельствуют стратегии «Цифровой Азербайджан»[3] и проекты Цифрового правительства[4];
- поддержка участия страны в глобальных проектах прогнозирования будущего, таких как Azerbaijan Future Studies Society — национальный узел The Millennium Project, участвующий в разработке сценариев долгосрочного развития[5].

В последние годы Азербайджан активно развивает сектор информационных технологий и искусственного интеллекта. Принята Стратегия искусственного интеллекта на 2025–2028 годы, которая предусматривает создание инфраструктуры для развития ИТ-сектора, подготовку кадров и привлечение инвестиций[6]. Кроме того, страна укрепляет кибербезопасность, рассматривая её как важный элемент национального суверенитета.

Тем не менее в технологическом векторе сохраняются системные барьеры — инерция нефтяной экономики, слабая научная инфраструктура и зависимость от импортных технологий. В этом смысле модернизационная риторика пока не сопровождается радикальными институциональными реформами, что создаёт разрыв между дискурсом будущего и реальной структурой настоящего.

Параллельно с технологической формируется цивилизационно-идентификационная модель будущего — как возвращение к национальной самобыт-

1 Azerbaijan 2030: A Vision of the Future (2020, August 16). Baku Research Institute. https://bakuresearchinstitute.org/en/azerbaijan-2030-a-vision-of-the-future/
2 AFEZ. https://afez.az/
3 Азербайджан и цифровизация: цели определены (2024, сентябрь 13). Интернет-портал СНГ. https://e-cis.info/news/566/121056/
4 Цифровое правительство. https://mincom.gov.az/ru/deiatelnost/cifrovoe-pravitelstvo
5 Azerbaijan Future Studies Society (AFSS). https://futurestudies.az/
6 Распоряжение Президента Азербайджанской Республики Об утверждении «Стратегии искусственного интеллекта Азербайджанской Республики на 2025–2028 годы» (2025 март 19). Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. https://president.az/ru/articles/view/68364

ности и укрепление тюркской солидарности. Символическая рамка «единства языка, мысли, действия» активно артикулируется на форумах и в медиа, например в рамках дискуссионной площадки “Unity in language, thought, action: Future of Turkic world”[1]. В данном случае будущее мыслится не столько как радикальное «новое», сколько как укоренённое развитие — возвращение к собственным культурным основаниям, которые должны стать ресурсом устойчивости в глобальной нестабильности (Мамедзаде, 2024). Такая позиция формирует своеобразный цивилизационно-идентификационный консерватизм, который сочетает модернизацию с идеей культурного самосохранения. И если технологическая модель направлена в будущее, то идентификационная обращена к прошлому как источнику легитимности.

В рамках интеграционной модели Азербайджан предстает как узловая страна, соединяющая Восток и Запад, Север и Юг и стремящаяся извлечь стратегические преимущества из своего транзитного положения. Исследование Ф. Гулиева показывает, что президентская риторика всё чаще строится вокруг понятий «Средний коридор», «Шёлковый путь» и «энергетический хаб», которые задают координаты геоэкономического будущего (Guliyev, 2024).

Азербайджан (как и Казахстан) придерживается политики многовекторности, стремясь поддерживать сбалансированные отношения с различными мировыми центрами силы. Страна активно участвует в международных организациях, таких как ООН, ШОС, а также в региональных инициативах, включая платформу «3+3», которая объединяет Азербайджан, Армению, Грузию, Россию, Турцию и Иран. Однако интеграционное позиционирование несёт двойной риск: оно делает Азербайджан частью глобальных цепочек, но и усиливает зависимость от внешних политических центров. Стратегия устойчивого будущего требует, чтобы интеграция не подменяла собой внутреннюю модернизацию — иначе транзитный статус превратится в форму новой зависимости.

Синтез трёх направлений формирует гибридный тип образа будущего, характерный для Азербайджана: технологическая модель создаёт инфраструктуру будущего, цивилизационно-идентификационная задаёт смысл и ценностный стержень, а интеграционная открывает геополитические и экономические горизонты. Но между ними существует и напряжение. Технологическая открытость требует гибкости и включённости в глобальные сети, тогда как идентичностная модель настаивает на культурном суверенитете. Интеграционная модель, в свою очередь, соединяет эти две линии, но при этом зависит от конъюнктуры внешних акторов — Турции, России, Китая, ЕС.

Современный азербайджанский образ будущего — это попытка объединить три разных логики развития: модернизационную, идентификационную и интеграционную. В отличие от Казахстана или Ирана, Азербайджан строит

1 Azerbaijan's Baku hosts panel discussion "Unity in language, thought, action: Future of Turkic world" (2025, May 3). 30 Trend News Agency. https://www.trend.az/azerbaijan/politics/4039358.html

прагматично-символическую модель, где экономическая трансформация, культурное самосознание и геополитический расчёт действуют как единый механизм. Главный вызов состоит в необходимости согласовать модернизационные цели с идеологией культурного суверенитета и избежать ситуации, когда традиция превращается в инструмент консервации. В этом смысле будущий успех Азербайджана будет зависеть не только от экономических реформ, но и от способности общества к критическому переосмыслению собственной идентичности — как ресурса, а не догмы.

Туркменистан

Образ будущего Туркменистана формируется в контексте сохранения принципа постоянного нейтралитета, культурной самобытности и централизации власти. Эта модель «управляемой модернизации» сочетает технологические и социально-экономические цели с нормативными ограничениями, определяя рамки возможных изменений.

Технологическая модель в туркменском дискурсе формулируется через государственные программы развития науки, инженерии и цифровой инфраструктуры. Министерство иностранных дел и профильные ведомства декларируют приоритет в повышении эффективности научных исследований и их направлении на нужды экономики, включая энергетику и агросектор. Это отражено в документах о развитии науки и технологий[1], а также в Государственной программе 2021–2025 гг., направленной на укрепление прикладных направлений — химических технологий, цифрового образования, телекоммуникаций[2].

Ключевая логика данной модели заключается в диверсификации экономики за счёт технологического прогресса и повышения человеческого капитала. Государственные программы развития науки подчёркивают необходимость перехода от сырьевой зависимости к экономике знаний. Однако исследования UNECE и UNDP (2022) отмечают ограниченность инновационной инфраструктуры и слабую интеграцию научных центров в международные сети. Это создаёт риск появления «локализованных инновационных островков» — отдельных успешных институтов, не обеспечивающих общенационального технологического эффекта[3]. Таким образом, технологическая

1 Президент Туркменистана подписал документы о создании Фонда развития наук и финансовой поддержке науки (2019 июнь 12). Türkmenistanyň Döwlet habarlar agentligi. https://tdh.gov.tm/tk/post/18398/prezident-turkmenistana-podpisal-dokumenty-o-sozdanii-fonda-razvitiya-nauk-i-finansovoi-podderzhke-nauki; Президент Туркменистана утвердил Стратегию развития науки на 2024–2052 годы (2024, сентябрь 26). Nebit-Gaz. https://www.oilgas.gov.tm/ru/posts/news/11999/prezident-turkmenistana-utverdil-strategiyu-razvitiya-nauki-na-20242052-gody

2 Утверждена Госпрограмма комплексного развития химической науки и технологий на 2021-2025 годы (2020 октябрь 16). Туркменистан. Золотой век. https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/36679/utverzhdena-gosprogramma-kompleksnogo-razvitiya-khimicheskoi-nauki-i-tekhnologii-na-2021-2025-gody

3 Annual Report on Evaluation 2022 (2023, May). UNDP. https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2025-02/undp-are-2022.pdf; UNDP and UNECE Support the Development of Renewable Energy in Turkmenistan (2025, September 5). News Central Asia. https://www.newscentralasia.net/2025/09/05/undp-and-

модель формирует стратегический ориентир на модернизацию, но её реализация зависит от готовности к институциональным реформам и расширению международного сотрудничества в научно-технической сфере.

Одной из центральных составляющих туркменского образа будущего является идеология постоянного нейтралитета, признанная ООН в 1995 году. В официальной риторике нейтралитет рассматривается не только как внешнеполитический принцип, но и как фундамент национальной идентичности — гарантия стабильности, независимости и внутреннего согласия. Он символически закреплён в Конституции, государственных праздниках и публичных выступлениях президента, где нейтралитет трактуется как форма цивилизационного выбора (Овезсахедов и др., 2025).

Цивилизационно-идентификационная модель соединяет идею культурного наследия с проектом социального благополучия. Национальная программа социально-экономического развития до 2030 года определяет приоритеты «устойчивого благополучия» и «государства для народа», подчёркивая преемственность традиций и модернизации[1]. В иерархии смыслов духовное и национальное превосходят экономическое, что придаёт туркменскому образу будущего нормативный характер — изменения допустимы лишь постольку, поскольку не нарушают культурно-политический баланс. По мнению исследователя Ч. Салливана, этот подход позволяет поддерживать социальное единство, но затрудняет деятельность зарубежных культурных проектов и фондов. Туркменистан представляет себя в Генеральной Ассамблее Организации Объединённых Наций как образцовое нейтральное государство, и это даёт действующему режиму свободу действий в геополитике (Sullivan, 2020).

Интеграционная модель описывает будущее Туркменистана как процесс включения в региональные и глобальные сети при сохранении нейтралитета. Основой здесь служит геоэкономический потенциал транзитного государства, соединяющего Каспийский регион, Центральную Азию и Ближний Восток. Внешнеэкономическая стратегия Туркменистана до 2030 г.[2] и проекты Министерства транспорта[3] ориентированы на развитие транспортных коридоров — Транскаспийского маршрута, коридора «Север–Юг», железнодорожных веток в сторону Афганистана и Ирана. Эти инициативы позиционируются как ключевой элемент формирования «экономической идентичности» Турк-

unece-support-the-development-of-renewable-energy-in-turkmenistan/

1 Годовой отчет ООН 2022 Туркменистан (2023, март). Организация объединенных наций. Туркменистан. https://turkmenistan.un.org/sites/default/files/2023-05/UN_AnnualReport_2022_RU.pdf

2 Экономическая стратегия Туркменистана: национальная модель устойчивого развития (2021, сентябрь 22). Туркменистан сегодня. https://tdh.gov.tm/index.php/ru/post/28727/ekonomicheskaya-strategiya-turkmenistana-nacionalnaya-model-ustojchivogo-razvitiya

3 В Туркменистане озвучены планы по развитию сферы транспорта на 2025 год (2025, январь 4). Arzuw News. https://arzuw.news/v-turkmenistane-ozvucheny-plany-po-razvitiju-sfery-transporta-na-2025-god

менистана — государства, которое связывает разные регионы без вовлечения в политические альянсы[1].

Согласно отчётам UNESCAP (2024)[2] и Asian Development Bank (2023)[3], туркменская политика транспортной интеграции рассматривается как инструмент постэнергетической диверсификации. Развитие логистики и цифровых платформ открывает возможности для привлечения иностранных инвестиций и расширения экспорта услуг. Однако Э. Джагитян указывает на структурные риски: слабое нормативное сопряжение с соседними странами, ограниченность доступа к международным рынкам капитала и политическая настороженность к внешним партнёрам (Джагитян, 2013).

Интеграционная модель требует гибкости, сочетания прагматизма и символического дистанцирования. Туркменистан стремится развивать внешние связи без утраты политического контроля, используя формат нейтралитета как инструмент избирательного участия в проектах ШОС, БРИКС или ОЭС. Это позволяет формировать будущее как сеть взаимных выгод, где страна сохраняет автономию, но участвует в региональной взаимозависимости.

Сопоставление трёх моделей позволяет выделить ключевые особенности туркменского образа будущего: нормативная устойчивость — будущие ориентиры задаются сверху и легитимируются через идеи нейтралитета и культурной преемственности; технологическая модернизация без либерализации — инновации служат инструментом управляемого развития, а не политического обновления; избирательная интеграция — участие в региональных проектах сочетается с сохранением идеологической и политической автономии. Оптимальный сценарий видится как баланс трёх траекторий: технологического обновления, культурной преемственности и прагматической открытости внешнему миру. Однако этот баланс остаётся хрупким: технологические и интеграционные процессы требуют институциональной гибкости и большей вовлечённости общества, чего туркменская политическая система пока избегает.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют говорить о том, что в Каспийском регионе формируется особая когнитивно-дискурсивная зона, где конструирование образов будущего выступает не просто инструментом стратегического планирования, но и механизмом воспроизводства

1 Президент Туркменистана утвердил Программу социально-экономического развития страны на 2023 год (2023, февраль 14). Nebit-Gaz. https://www.oilgas.gov.tm/en/posts/habarlar/6866/the-president-of-turkmenistan-approved-the-program-of-social-and-economic-development-of-the-country-for-2023

2 Towards a National Strategy in advancing cross-border paperless trade in Turkmenistan (2024, May 20-21). ESCAP. https://www.unescap.org/events/2024/towards-national-strategy-advancing-cross-border-paperless-trade-turkmenistan

3 Turkmenistan. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/863591/tkm-ado-april-2023.pdf

идентичности, власти и социетальной устойчивости. Анализ показал, что исследовательские и экспертные поля в пяти прикаспийских государствах — России, Казахстане, Азербайджане, Туркменистане и Иране — вырабатывают различные формы символического образа будущего, в которых «будущее» становится категорией не предсказания, а проектирования и легитимации.

В основу национальных нарративов заложена триада — технологическая, цивилизационно-идентификационная и интеграционная модели. Их взаимодействие демонстрирует переход от линейных модернизационных сценариев к гибридным формам проектирования будущего, в которых инновация соотносится с традицией, а развитие — с сохранением культурного кода. В этом контексте образ будущего выполняет функцию медиатора между прагматической рациональностью и символическим порядком. Каждая из моделей несёт собственную траекторию регионального самоопределения: технологическая — формирует прагматический горизонт модернизации, цивилизационно-идентификационная — закрепляет нормативные рамки культурной легитимности, интеграционная — создает архитектуру региональной взаимозависимости и многоуровневого взаимодействия.

Прогностический анализ позволяет выделить несколько вероятных тенденций развития. В ближайшие десятилетия ожидается укрепление технологического дискурса как доминирующего механизма национальной консолидации и экономической мобилизации. Его усиление будет сопровождаться формированием новой парадигмы технологического суверенитета — не только как экономической, но и как ценностно-политической категории. Одновременно будет происходить реинтерпретация идентитарных нарративов, направленная на поиск баланса между культурным консерватизмом и социальной адаптивностью. Особенно это актуально для государств, где традиционные символические структуры выступают барьером для инноваций (Иран, Туркменистан).

В интеграционном измерении вероятен переход к прагматическому многополяризму — модели, в которой государства Каспия будут стремиться не к институциональному объединению, а к формированию гибких сетевых связей, основанных на совместном управлении рисками и ресурсами. Формирующийся контур евразийской многополярности предполагает, что Каспийский макрорегион станет пространством стратегической стыковки цивилизаций, где будущее определяется не вертикальными союзами, а горизонтальными партнёрствами.

Таким образом, Каспийское пространство трансформируется в лабораторию регионального будущего, где взаимодействуют различные темпоральные логики — модернизационная, идентификационная и интеграционная. Этот синтез порождает особый тип социального времени — «замедленную модернизацию», основанную на управляемом развитии и контролируемом изменении.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублением дискурсивно-прогностического анализа, включающего когнитивное моделирование сценариев будущего и сравнительное изучение стратегических нарративов на уровне академических и медийных полей. Это позволит не только реконструировать структуру региональных представлений о будущем, но и оценить, каким образом они трансформируют реальные политические и институциональные практики. В более широком контексте исследование подчеркивает необходимость перехода от линейных концепций развития к эпистемологии будущего, где прогнозирование рассматривается как форма культурного действия, а знание — как фактор формирования возможных миров. Каспийский регион в этом смысле становится не периферией глобальных процессов, а их когнитивным ядром, производящим новые модели понимания социального времени, модернизации и идентичности.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Все авторы данной рукописи были уведомлены и согласны с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Все авторы подтверждают, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Романова Анна Петровна – обоснование концепции исследования (формулирование идеи, исследовательских целей и задач), разработка методологии исследования, проведение сравнительного анализа.

Федорова Мария Михайловна – обобщение результатов исследования; формулировка выводов, редактирование текста рукописи, написание заключения

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Все авторы подтверждают, что нет препринта/рабочей версии

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00301-П «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00301-P "The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security."

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не использовались при написании текста рукописи.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Отсутствуют.

Список литературы

Abdulmahdi, S. N., Kourosh, A., Hassan, A., & Alireza, S. N. (2023). The Future Perspective of Islam and Iran and its Evolutionary Stages based on the Islamic Style. *Islamic Life Style*, 7(2), 40–48.

Alizadh, M., & Ghaffari, S. A. (2024). Al-Ghazali's Perspective on the Interrelation of Science and Religion. *The Quran and Science*, 18(34), 111–142. https://doi.org/10.22034/qve.2024.9420

Dynkin, A. A., Baranovsky, V. G., Kobrinskaya, I. Y., & Machavariani, G. I. (2023). Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast. *Analys and Forecasting. IMEMO Journal*, 1, 13–26. https://doi.org/10.20542/afij-2023-1-13-26

Ergun, A. (2022). Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence. *Nationalities Papers*, 50(4), 813–830. https://doi.org/10.1017/nps.2020.81

Foucault, M. (1972). *The Archeology of Knowledge and the Discourse on Language*. Pantheon.

Guliyev, F. (2024). Presidential Discourses on Regionalism in Azerbaijan: Turkic Solidarity and the Silk Road. *Nationalities Papers*, 1–21. https://doi.org/10.1017/nps.2024.42

Inayatullah, S. (2008). Six Pillars: Futures Thinking for Transforming. *Foresight*, 10(1), 4–21. https://doi.org/10.1108/14636680810855991

Kalateh Sadati, A., & Razavi, A. (2024). Exploring Religiosity among the Educated Generation of the 70s in Yazd City: A Qualitative Study. *Strategic Research on Social Problems*, 13(3), 27–50. https://doi.org/10.22108/srspi.2024.141378.1994

Kousari, S., & Hadavand, M. (2023). Using Supportive Scenarios for Policy Making Based on Futures Studies. *Journal of Science and Technology Policy*, 16(2), 19–39. https://doi.org/10.22034/jstp.2023.11290.1640

Miller, R. (Ed.). (2018). *Transforming the Future: Anticipation in the 21st Century*. Taylor & Francis. https://doi.org/10.4324/9781351048002

Mohammadian, M., & Haji-Yousefi, A. M. (2022). The Analysis of Iran's Foreign Policy from a Sociohistorical Perspective. *Social Evolution & History*, 21(2). https://doi.org/10.30884/seh/2022.02.04

Nikooye, M., Darvishi, F., Fazli, S., & Keshavarz Tork, E. (2021). Providing an Integrated Strategic Foresight Evaluation Process Model at National Level with an Interpretive Structural Modeling Approach. *Journal of Iran Futures Studies*, 5(2), 1–33. https://doi.org/10.30479/jfs.2021.14119.1234

Panahi, F., & Ghasemi, M. H. (2024). Designing A Policy Laboratory Process with A Strategic Foresight Approach. *Journal of Science and Technology Policy*, 17(1), 19–38. https://doi.org/10.22034/jstp.2024.11590.1748

Sarbazi, M., Abazari, M., & Montazeri, B. (2023). Islamic Identity and Technology as Soft Power: Formulating Iran's Regional Influence in the Middle East. *Contemporary Political Studies*, 14(1), 205-226.

Sariolghalam, M. (2018). *Prospects for Change in Iranian Foreign Policy*. Carnegie Endowment for International Peace; Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/2018/02/20/prospects-for-change-in-iranian-foreign-policy-pub-75569

Sayadi, H., & Sanaei, A. (2019). The Place of Looking at the East Discourse in Changing Iran's Foreign Policy Approach by Emphasizing on the Geopolitical Genome of Russia. *Central Eurasia Studies*, 12(1), 115–135. https://doi.org/10.22059/jcep.2019.252470.449751

Sazmand, B., & Goudarzi, M. (2022). A Comparative Analysis of China's Position in Ahmadinejad and Rouhani look East Policy. *Central Eurasia Studies*, 15(1), 127–155. https://doi.org/10.22059/jcep.2022.338889.450060

Shariati, A. (1980). *Marxism and other Western Fallacies: An Islamic Critique*. Mizan Press.

Sullivan, C. J. (2020). Neutrality in Perpetuity: Foreign Policy Continuity in Turkmenistan. *Asian Affairs*, 51(4), 779–794. https://doi.org/10.1080/03068374.2020.1826753

Taheri Demneh, M. (2019). Futuristic Research in the Roots of Images of the Future. *Strategic Studies of Public Policy (Strategic Studies of Globalization Journal)*, 8(29), 45–65.

Wendt, A. (2015). *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781316005163

Yazdi, N., Fateh-rad, M., Kadkhodapour, J., & Tahmasbi, S. (2024). Spatial Analysis of the Concentration of Knowledge-Based Firms in Iran. *Spatial Planning*, 14(4), 27–52. https://doi.org/10.22108/sppl.2024.138926.1742

Абдуллаев, И. И. (2021). Каспийский регион в условиях новых геополитических вызовов и новые задачи государственного управления. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: государственное и муниципальное управление*, 8(1), 80–88. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2021-8-1-80-88

Алиев, Р. Т. (2024). За гранью юзабилити: Критический анализ исследований интерфейса. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 223–259. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.493

Альжанова, Ф. Г., Нурланова, Н. К., & Днишев, Ф. М. (2020). Оценка уровня и приоритетные направления модернизации регионов Казахстана. *Проблемы развития территории*, 1, 124–141. https://doi.org/10.15838/ptd.2020.1.105.9

Аралбаева, Г. Г., & Берикболова, У. Д. (2025). Модель выравнивания межрегиональных диспропорций в социально-экономическом развитии Республики Казахстан. *Прогрессивная экономика*, 4, 34–48. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_4_34

Ахапкин, Н. Ю. (Ред.). (2022). *Экономическая и технологическая модернизация России: Уроки истории и современные вызовы*. ИЭ РАН.

Ван, Ц. (2025). Инициатива «один пояс, один путь» в контексте двустороннего российско-китайского сотрудничества. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 3, 52–72.

Великая, Н. М. (Ред.). (2023). *Образ будущего в призме социологических измерений*. Мир Науки.

Джагитян, Э. (2013). *Финансовые рынки Центральной Азии: Свет в середине туннеля*. Российский совет по международным делам. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finansovye-rynki-tsentralnoy-azii-svet-v-seredine-tunnelya/?sphrase_id=144713371

Иванова, Н. Д., Карулин, А. А., Комаров, М. В., Летняков, Д. Э., Ложкин, Е. А., Нестеров, Г. Э., Подольский, В. А., Рожкова, З. И., Федорова, М. М., & Шарова, В. Л. (2024). *Образ будущего в политической философии XX-XXI веков*. Центр гуманитарных инициатив.

Искаков, Г. А., & Кегенбеков, Ж. К. (2021). Роль Республики Казахстан в проекте «Один пояс – один путь». *Научные проблемы водного транспорта*, 67, 94–101. https://doi.org/10.37890/jwt.vi67.198

Кабазиев, М. Ш. (2022). Формирование национальной идентичности Республики Казахстан: Особенности и противоречия. *Современная Европа*, 7, 221–231. https://doi.org/10.31857/S020170832207018X

Казиев, С. Ш., Могунова, М. В., & Старченко, Р. А. (2024). Этничность и опасности группового доверия в постсоветском Казахстане. *Этнография*, 23(1), 237–259. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-1(23)-237-259

Ключарева, В. В., & Корусенко, С. Н. (2023). Модернизация исторической памяти и национальной идентичности в Республике Казахстан: Средства формирования и трансляции. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 3, 193–204. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-17

Колбачаева, Ж. Е. (2019). Региональный, национальный и конфессиональный факторы формирования национальной идентичности Казахстана. *Проблемы постсоветского пространства*, 6(4), 398–408. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-398-408

Кривопусков, В. В. (2016). Концепт «Русский мир»: Принципы и возможности методологических подходов. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 1, 111–119.

Ли, Ф., Сагитова, В. Р., Галиуллин, М. З., & Кадыров, Р. Р. (2024). Перспективность развития ШОС для стран-участниц. *Российские исследования*, 5(2), 88–99.

Мамедзаде, И. (2024). *Перспективы нашей идентичности*. Азербайджанская академия наук. https://philosophy.edu.az/index.php?newsid=2476

Мамедов, А. В. (2024). Внешняя политика Казахстана: Уточняя приоритеты. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(1), 121–130. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130

Мачавариани, Г. И., & Кобринская, И. Я. (Ред.). (2022). *Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. ИМЭМО РАН.

Овезсахедов, Г. О., Нургелдиев, А. Х., Чарыева, О. М., & Гурбандурдыева, Г. О. (2025). Нейтралитет как основа государственной политики и национального самосознания Туркменистана. *Символ науки*, 5–2, 148–149.

Огнева, В. В. (2024). Десятилетие, меняющее мир, и модель политического развития России. *Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: в поиске новой модели социально-экономического и политического развития России. Сборник статей и материалов XVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, 11–19.

Пилипенко, И. В. (2022). Узловые проблемы и направления совершенствования институтов Евразийского экономического союза. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 234(2), 220–239. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-234-2-220-239

Сатпаев, А. (2021). *Политика модернизации в Казахстане: Риски и перспективы*. KISI.

Семенец, Е. В. (2024). Политика идентичности в Республике Казахстан: Культурно-символический аспект. *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*, 17, 90–98.

Серегина, А. А. (2025). *Приоритеты внешней политики России в сфере энергетики в условиях западных односторонних ограничений* [Диссертация доктора политических наук]. МГИМО.

Таджиходжаев, Т. (2021). Политическое прогнозирование как основной этап политического анализа. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 1(10), 314-319.

Таршилова, Л. С. (2018). Участие Казахстана в интеграционных процессах Евразийского экономического союза. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, 1–1, 251-255.

Хунцзян, Ч. (2023). Перспективы развития казахстано-китайских отношений в новых геополитических реалиях. *Известия Восточного института*, 57, 147–155. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/147-155

Черничкин, Д. А. (2022). Языковая политика Республики Казахстан как механизм конструирования новой национальной идентичности. *Южно-российский журнал социальных наук*, 23(2), 106–128. https://doi.org/10.31429/26190567-23-2-106-128

Энтин, М. Л. (2021). *Современные вызовы международному праву и национальным интересам России*. РИСИ. https://riss.ru/analitica/sovremennyye-vyzovy-mezhdunarodnomu-pravu-i-natsionalnym-interesam-rossii/?sphrase_id=270667

References

Abdullaev, I. I. (2021). The Caspian Region in the Conditions of New Geopolitical Challenges and New Tasks of Public Administration. *RUDN Journal of Public Administration*, 8(1), 80–88. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2021-8-1-80-88 (In Russian).

Abdulmahdi, S. N., Kourosh, A., Hassan, A., & Alireza, S. N. (2023). The Future Perspective of Islam and Iran and its Evolutionary Stages based on the Islamic Style. *Islamic Life Style*, 7(2), 40–48.

Akhapkin, N. Yu. (Ed.). (2022). *Economic and Technological Modernization of Russia: Lessons from History and Contemporary Challenges*. Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.. (In Russian).

Aliev, R. T. (2024). Beyond Usability: A Critical Analysis of Interface Research. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 223–259. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.493 (In Russian).

Alizadh, M., & Ghaffari, S. A. (2024). Al-Ghazali's Perspective on the Interrelation of Science and Religion. *The Quran and Science*, 18(34), 111–142. https://doi.org/10.22034/qve.2024.9420

Alzhanova, F. G., Nurlanova, N. K., & Dnishev, F. M. (2020). Assessment of Level and Priority Guidelines of Kazakhstan Regions' Modernization. *Problems of Territory's Development*, 1, 124–141. https://doi.org/10.15838/ptd.2020.1.105.9 (In Russian).

Aralbaeva, G. G., & Berikbolova, U. D. (2025). A Model for Equalizing Interregional Disparities in the Socio-Economic Development of the Republic of Kazakhstan. *Progressive Economics* , 4, 34–48. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_4_34 (In Russian).

Chernichkin, B. Ф. (2022). Language Policy of the Republic of Kazakhstan as a Mechanism for the Construction of a New National Identity. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 23(2), 106–128. https://doi.org/10.31429/26190567-23-2-106-128 (In Russian).

Dynkin, A. A., Baranovsky, V. G., Kobrinskaya, I. Y., & Machavariani, G. I. (2023). Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast. *Analys and Forecasting. IMEMO Journal*, 1, 13–26. https://doi.org/10.20542/afij-2023-1-13-26

Entin, M. L. (2021). *Contemporary challenges to international law and Russia's national interests.* RISI. https://riss.ru/analitica/sovremennyye-vyzovy-mezhdunarodnomu-pravu-i-natsionalnym-interesam-rossii/?sphrase_id=270667 (In Russian).

Ergun, A. (2022). Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence. *Nationalities Papers*, 50(4), 813–830. https://doi.org/10.1017/nps.2020.81

Foucault, M. (1972). *The Archeology of Knowledge and the Discourse on Language*. Pantheon.

Guliyev, F. (2024). Presidential Discourses on Regionalism in Azerbaijan: Turkic Solidarity and the Silk Road. *Nationalities Papers*, 1–21. https://doi.org/10.1017/nps.2024.42

Hongjiang, Zh. (2023). Prospects for Kazakhstan-China relations in the new geopolitical realities. *Oriental Institute Journal*, 57, 147–155. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/147-155 (In Russian).

Inayatullah, S. (2008). Six Pillars: Futures Thinking for Transforming. *Foresight*, 10(1), 4–21. https://doi.org/10.1108/14636680810855991

Iskakov, G. A., & Kegenbekov, Zh. K. (2021). Role of Kazakhstan in a Belt and Road Initiative Project. *Russian Journal of Water Transport*, 67, 94–101. https://doi.org/10.37890/jwt.vi67.198 (In Russian).

Ivanova, N. D., Karulin, A. A., Komarov, M. V., Letnyakov, D. E., Lozhkin, E. A., Nesterov, G. E., Podolsky, V. A., Rozhkova, Z. I., Fedorova, M. M., & Sharova, V. L. (2024). *The Image of the Future in Political Philosophy of the 20th and 21st Centuries*. Center for Humanitarian Initiatives. (In Russian).

Jagitian, E. (2013). Financial Markets in Central Asia: Light at the End of the Tunnel. *Russian International Affairs Council*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finansovye-rynki-tsentralnoy-azii-svet-v-seredine-tunnelya/?sphrase_id=144713371 (In Russian).

Kabaziev, M. Sh. (2022). Formation of the National Identity of the Republic of Kazakhstan: Peculiarities and Contradictions. *Contemporary Europe*, 7, 221–231. https://doi.org/10.31857/S020170832207018X (In Russian).

Kalateh Sadati, A., & Razavi, A. (2024). Exploring Religiosity among the Educated Generation of the 70s in Yazd City: A Qualitative Study. *Strategic Research on Social Problems*, 13(3), 27–50. https://doi.org/10.22108/srspi.2024.141378.1994

Kaziev, S. Sh., Mogunova, M. V., & Starchenko, R. A. (2024). Ethnicity and Dangers of Group Trust in Post-Soviet Kazakhstan. *Etnografia*, 23(1), 237–259. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-1(23)-237-259 (In Russian).

Klyuchareva, V. V., & Korusenko, S. N. (2023). Modernisation of the historical memory and national identity in the Republic of Kazakhstan: a means of the formation and translation. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 3, 193–204. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-17 (In Russian).

Kolbachayeva, J. Y. (2019). Regional, national and confessional factors of formation of national identity of Kazakhstan.. *Post-Soviet Issues*, 6(4), 398–408. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-398-408 (In Russian).

Kousari, S., & Hadavand, M. (2023). Using Supportive Scenarios for Policy Making Based on Futures Studies. *Journal of Science and Technology Policy*, 16(2), 19–39. https://doi.org/10.22034/jstp.2023.11290.1640

Krivopuskov, V. V. (2016). Concept "The Russian World": Principles and Possibilities of Methodological Approaches. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*, 1, 111–119. (In Russian).

Li, F., Sagitova, V. R., Galiullin, M. Z., & Kadyrov, R. R. (2024). Prospects of SCO Development for the Participating Countries. *Journal of Russian Studies*, 5(2), 88–99. (In Russian).

Machavariani, G. I., & Kobrinskaya, I. Ya. (Eds.). (2022). *Russia and the world: 2023. Economy and foreign policy. Annual forecast*. IMEMO RAS. (In Russian).

Mamedov, A. V. (2024). Kazakhstan's Foreign Policy: Adjusting the Priorities. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 121–130. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130 (In Russian).

Mammadzade, I. (2024). *Prospects for Our Identity*. Azerbaijan Academy of Sciences. https://philosophy.edu.az/index.php?newsid=2476 (In Russian).

Miller, R. (Ed.). (2018). *Transforming the Future: Anticipation in the 21st Century*. Taylor & Francis. https://doi.org/10.4324/9781351048002

Mohammadian, M., & Haji-Yousefi, A. M. (2022). The Analysis of Iran's Foreign Policy from a Sociohistorical Perspective. *Social Evolution & History*, 21(2). https://doi.org/10.30884/seh/2022.02.04

Nikooye, M., Darvishi, F., Fazli, S., & Keshavarz Tork, E. (2021). Providing an Integrated Strategic Foresight Evaluation Process Model at National Level with an Interpretive Structural Modeling Approach. *Journal of Iran Futures Studies*, 5(2), 1–33. https://doi.org/10.30479/jfs.2021.14119.1234

Ogneva, V. V. (2024). A decade that changed the world and the model of political development in Russia. *Traditions and innovations in state and municipal administration: in search of a new model of socio-economic and political development in Russia. Collection of articles and materials from the 18th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*, 11–19. (In Russian).

Ovezsakedov, G. O., Nurgeldiev, A. Kh., Charyeva, O. M., & Gurbandurdyeva, G. O. (2025). Neutrality as the basis of state policy and national identity in Turkmenistan. *Symbol of Science*, 5–2, 148-149. (In Russian).

Panahi, F., & Ghasemi, M. H. (2024). Designing A Policy Laboratory Process with A Strategic Foresight Approach. *Journal of Science and Technology Policy*, 17(1), 19–38. https://doi.org/10.22034/jstp.2024.11590.1748

Pilipenko, I. V. (2022). Key Problems and Directions for Enhancementof the Institutions of the Eurasian Economic Union. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 234(2), 220–239. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-234-2-220-239 (In Russian).

Sarbazi, M., Abazari, M., & Montazeri, B. (2023). Islamic Identity and Technology as Soft Power: Formulating Iran's Regional Influence in the Middle East. *Contemporary Political Studies*, 14(1), 205-226.

Sariolghalam, M. (2018). *Prospects for Change in Iranian Foreign Policy*. Carnegie Endowment for International Peace; Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/2018/02/20/prospects-for-change-in-iranian-foreign-policy-pub-75569

Satpaev, A. (2021). *Modernization Policy in Kazakhstan: Risks and Prospects*. KISI. (In Russian).

Sayadi, H., & Sanaei, A. (2019). The Place of Looking at the East Discourse in Changing Iran's Foreign Policy Approach by Emphasizing on the Geopolitical Genome of Russia. *Central Eurasia Studies*, 12(1), 115–135. https://doi.org/10.22059/jcep.2019.252470.449751

Sazmand, B., & Goudarzi, M. (2022). A Comparative Analysis of China's Position in Ahmadinejad and Rouhani look East Policy. *Central Eurasia Studies*, 15(1), 127–155. https://doi.org/10.22059/jcep.2022.338889.450060

Semenets, E. V. (2024). Identity politics in the Republic of Kazakhstan: Cultural and symbolic aspects. *The Russian political process in a regional context: history, theory, practice*, 17, 90–98. (In Russian).

Seregina, A. A. (2025). *Priorities of Russia's Foreign Policy in the Energy Sector under Western Unilateral Restrictions* [Doctoral Dissertation in Political Science]. MGIMO University. (In Russian).

Shariati, A. (1980). *Marxism and other Western Fallacies: An Islamic Critique*. Mizan Press.

Sullivan, C. J. (2020). Neutrality in Perpetuity: Foreign Policy Continuity in Turkmenistan. *Asian Affairs*, 51(4), 779–794. https://doi.org/10.1080/03068374.2020.1826753

Taheri Demneh, M. (2019). Futuristic Research in the Roots of Images of the Future. *Strategic Studies of Public Policy (Strategic Studies of Globalization Journal)*, 8(29), 45–65.

Tajikhodzhaev, T. (2021). Political Forecasting as the Main Stage of Political Analysis. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 1(10), 314–319. (In Russian).

Tarshylova, L. S. (2018). Kazakhstan's participation in the integration processes of the Eurasian Economic Union. *The Great Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 1–1, 251–255. (In Russian).

Velikaya, N. M. (Ed.). (2023). *The Image of the Future Through the Prism of Sociological Measurements.* World of Science. (In Russian).

Wang, C. (2025). The "One Belt, One Road" Initiative in the Context of Bilateral Russian-Chinese Cooperation. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, 3, 52–72. (In Russian).

Wendt, A. (2015). *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781316005163

Yazdi, N., Fateh-rad, M., Kadkhodapour, J., & Tahmasbi, S. (2024). Spatial Analysis of the Concentration of Knowledge-Based Firms in Iran. *Spatial Planning*, 14(4), 27–52. https://doi.org/10.22108/sppl.2024.138926.1742